

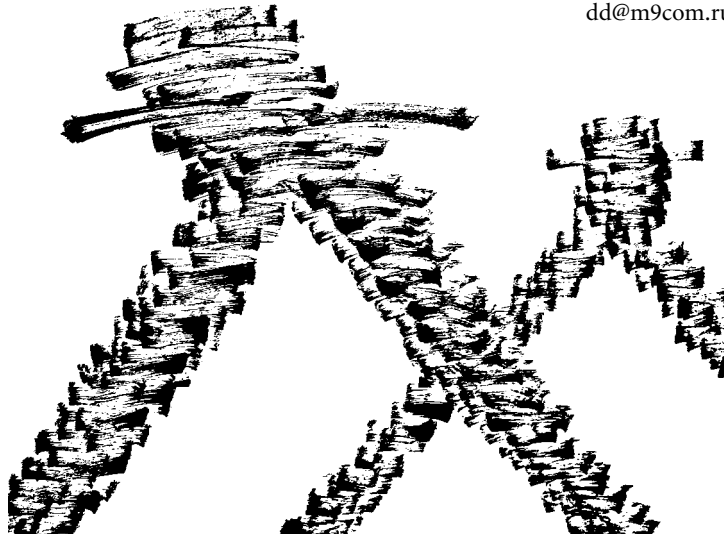
Пётр Гладилин

любовь как МилиТаризМ

Пьеса

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

2 Действующие лица

Татьяна — девочка, (затем девушка семнадцати лет).

Аркадий — ее сверстник, ближайший друг.

Лидия Андреевна — мама Татьяны.

Виктор Анатольевич — папа Татьяны.

Ангелина Ивановна — бабушка Татьяны.

Андрей Степанович — дедушка Татьяны.

Маргарита — тетушка Татьяны.

Нина — тетушка Татьяны.

Константин Сергеевич — бабушкин друг.

Федор Ильич — бабушкин друг.

Сведенборг первым указал на связь между нравственным злом и дурными материальными формами.

Ралф Эмерсон

А К Т П Е Р В Ы Й

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В большом городе в высотном доме живет четырехлетняя Татьяна. Воскресное утро. Ее родители опять ссорятся, бабушка с дедушкой пьют чай в гостинной.

Ангелина Ивановна. В молодости я не любила осень, потому что деревьям обрубают ветви, я чувствовала, как им больно, я даже плакала. Я всегда относилась к деревьям как к живым существам.

Андрей Степанович. Если бы я был богом, я бы сделал так, чтобы человек физически чувствовал боль, которую он причиняет другому человеку, животному или растению. Вот тогда бы на земле был рай.

Ангелина Ивановна. Однажды ты уже был богом, а толку никакого.

Андрей Степанович. Когда это я был богом?

Ангелина Ивановна. В молодости ты был красив, как Аполлон, умен, и я на тебя молилась. Ты даже не смог осчастливить одну женщину, не то что всех.

Андрей Степанович. Сама виновата, ты так хотела нравиться. Всем без разбору.

Ангелина Ивановна. Но это же естественно для молоденькой женщины. Она хочет нравиться всем мужчинам, она соблазняет всех, но принадлежит одному.

Андрей Степанович. Будь ты чуть-чуть умнее, чуть-чуть скромнее, я бы сделал тебя счастливой, и мы бы никогда не развелись.

Ангелина Ивановна. Не верю, ерунда.

За стеной, все более распаяясь, ссорятся молодые супруги.

Андрей Степанович. Это омерзительно, когда баба открывает рот и визжит!

Ангелина Ивановна. А когда мужчина распускает руки? Как это называется? Скотство чистой воды!

Андрей Степанович. Мы с тобой ругались шепотом в спальне.

Ангелина Ивановна. Их надо остановить. Пойду и попрошу соли. Надеюсь, они поймут мой тонкий намек.

Андрей Степанович. Смотри, Ангелина, достанется тебе.

Ангелина Ивановна. Как им не стыдно, ребенок все слышит, все видит, она уже все понимает, она большая девочка.

Андрей Степанович. Возьми белое полотенце.

Ангелина Ивановна. Зачем?

Андрей Степанович. Будешь парламентаром.

Ангелина Ивановна. Не надо.

Андрей Степанович. Ты рискуешь жизнью.

Ангелина Ивановна. Ладно, давай его сюда (*берет белое полотенце, уходит*). Каждый день ссорятся с утра до вечера... чувствует мое сердце, плохо это кончится.

Бабушка подходит к двери и видит ужасную картину: молодой отец семейства рвет фотографии, молодая мать в припадке гнева кидает в него всем, что под руку придется. Таня в ночной рубашке стоит на сквозняке. Бабушка, пригнувшись, подняв полотенце над головой, входит на чужую территорию, берет девочку за руку и уводит ее на кухню. Родители не замечают пропажи ребенка и продолжают с тем же исступлением браниться. Бабушка одевает внучку, усаживает рядом с дедом за стол.

Ангелина Ивановна. Вот она, наша красавица.

Андрей Степанович. А ну-ка, иди ко мне, маленькая.
Мы будем с тобой чай пить. Налей-ка нам, ба-
бушка, чаю.

Ангелина Ивановна. Наливаю, наливаю.

Андрей Степанович. У нас есть очень вкусное варенье.
А ты знаешь, Танечка, почему варенье такое вкус-
ное?

Девочка молчит, у нее застывшее, каменное лицо.

Бабушка (*наливая Тане чай*). Оно вкусное, потому что
вишня, девочка, из нашего сада. Мы двадцать лет
ухаживаем за деревьями, они нам за это дают вкус-
ные и сладкие ягоды.

Таня молчит.

Андрей Степанович. Нам помог собрать вишню один
знакомый гномик. Он очень хорошо лазит по де-
ревьям. Его зовут Барабашка. Хочешь, я тебя с ним
познакомлю?

Таня молчит.

Ангелина Ивановна. Он очень любит играть с девоч-
ками, он их никогда не обижает.

Таня, насупившись, молчит.

Андрей Степанович. Но самое главное — на Барабашке
можно ездить верхом. Забирайся ему на спину
и скачи, как на ослике, по полям, по лугам. По
полям, по лугам (*дедушка скачет на стуле*).

Таня вдруг встает и убегает из-за стола.

Ангелина Ивановна. Танюша, девочка, ты куда?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Татьяна. Автобиографические повести создают на склоне лет, после большой славы. Мне девятнадцать лет, моего не опубликовано ни строчки! Мою безвестность можно сравнить только со славой великого Толстого, и тем не менее я сажусь за мемуары, я хочу написать повесть о моей судьбе. Надо подробно составить план каждой главы. Глава первая. Трудное детство. Это уже есть. Так-с. Глава вторая. Первая любовь, первое свидание. Окраина города, пустырь около железной дороги. На пустыре выброшенная мебель: стол, два стула и комод. За столом Аркадий, он настраивает радиостанцию. Над ним огромное, голубое, замечательное небо, и в этом огромном небе где-то вдали парит самолет.

**

Татьяна. Я с таким трудом тебя отыскала.

Аркадий. Сказано было — в четыре часа, уже половина шестого.

Татьяна. Ой, какой сильный ветер, какой холодный.

Аркадий. Оделась как на свиданье.

Татьяна. Я, между прочим, и пришла на свиданье.

Аркадий. Ты, наверное, думаешь, я за тобой ухаживаю?

Татьяна. Невооруженным глазом видно.

Аркадий. Что это? *(Показывает на канцелярскую папку у нее в руке.)*

Татьяна. Рассказ написала. Я тебе почитаю.

Аркадий. Как называется?

Татьяна. «Вишневое варенье». Завтра перепечатаю и отнесу в журнал. Вдруг опубликуют, разве чудес в жизни не бывает?

Аркадий. О чем рассказ?

Татьяна. О том, как мы с бабушкой и дедушкой пили чай на кухне, когда мне было четыре года, а в это

время мать чуть-чуть не убила отца. Она в аффекте бросила в него гранитной чернильницей. Хорошо, что успел нагнуться, иначе бы остался без головы. Между прочим, эту чернильницу подарил моему деду писатель Корнейчук на день рождения. Мой рассказ начинается в 1934 году. Писатель дарит другу чернильницу, а через пятьдесят лет она становится орудием убийства. Это, конечно, гипербола, ведь отец остался в живых, но она мне просто необходима, чтобы усилить внутренний душевный конфликт. Задача писателя — при помощи слов расщепить факт, чтобы освободилась мощная духовная энергия. Я прочту тебе первую страницу.

Аркадий. Сейчас некогда, хочешь послушать, как летчики в полете переговариваются?

Татьяна. Я чужие разговоры не подслушиваю.

Аркадий. Эфир открыт для всех. Надевай мое пальто как следует, в рукава, присаживайся, пожалуйста, чувствуй себя как дома. Я ее, между прочим, своими собственными руками собрал. Корпус и антенна заводские, все остальное — мое.

Таня (*отдает пальто*). Не надо, Аркашенька, ты простудишься.

Аркадий. Надевай, сказано, и не ерепенься.

Татьяна. Мне уже не холодно.

Аркадий. Если ты не наденешь, тогда я тоже не надену.

Татьяна. А я тем более не надену, если ты не наденешь.

Аркадий. Ну и черт с ним (*бросает пальто на землю*). Вон, смотри, летит. Як-24. Бери наушники, слушай (*протягивает ей наушники*). Ну как?

Татьяна. Слышу. Ой, голос знакомый. Кто это? Это мой отец.

За штурвалом боевого самолета Виктор Анатольевич, Танин папа, рядом с ним дедушка. Они в военной форме, шлемах, очках, кожаных перчатках. Они готовы к бою.

Андрей Степанович. У меня сегодня повышенное давление.

Виктор Анатольевич. Может быть, вернемся на базу?

Андрей Степанович. Не, дорогой мой зятек, я уже не отступлюсь, ты меня не отговаривай.

Виктор Анатольевич. Одному богу известно, чем закончится эта встреча, у меня дурное предчувствие.

Андрей Степанович. В прошлый раз отстрелял все до последней железки, сам не знаю, как уцелел.

Виктор Анатольевич. И все-таки постарайся по-хорошему.

Андрей Степанович. Зачем ты забираешь девочку на выходные, если не можешь уделить ей время?

Виктор Анатольевич. Я имею на это полное право... по решению суда.

Андрей Степанович. Подумаешь, осталась бы на выходные с матерью и бабкой.

Виктор Анатольевич. Они ее портят, они ее настраивают против меня, они втягивают ребенка в гнилую дипломатию.

Андрей Степанович. Какая разница, она живет с ними шесть оставшихся дней в неделю.

Виктор Анатольевич. Я бы не стал тебя просить, но в прошлую субботу я работал.

Андрей Степанович. Эти две ведьмы чуть не сожрали меня живьем.

Виктор Анатольевич. Ты невкусный... высохший и костлявый старикашка.

Андрей Степанович. Немножко паприки, чеснока, белого вина. Пальчики оближешь. А холодец, какой она варит холодец...

Виктор Анатольевич. Сам виноват, сам первый полез в драку, как ты назвал Лиду?

Андрей Степанович. Я сказал, что она коварная и мерзкая потаскуха.

В небе появляется еще один боевой самолет. Управляют самолетом бабушка и мама, Ангелина Ивановна и

Лидия Андреевна. Приближаясь друг к другу, самолеты вступают в бой.

Виктор Анатольевич. Легки на помине.

Андрей Степанович. Здравствуй, мать, ты сегодня выглядишь ну просто великолепно. Лицо оттенка свежей грязи, и мешки под глазами — чем ты занималась сегодня ночью?

Ангелина Ивановна. Я не нуждаюсь в твоих комплиментах, я знаю, что ты вырос на улице.

Андрей Степанович. Как печень? Болит? А я с удовольствием выпил вчера бутылочку столового вина.

Ангелина Ивановна. Тебе не вино надо пить, а микстуру от хамства, по три ложки четыре раза в день на голодный желудок. А ну-ка, подлетай поближе, я тебе выпишу рецепт (*стреляет*).

Виктор Анатольевич. Добрый день, Лида. Если он, конечно, добрый. Я забираю Татьяну к себе. Сегодня суббота.

Лидия Андреевна. Не отпускаю — она простужена.

Татьяна (Аркадию). Ну начинается...

Виктор Анатольевич (*нажимает гашетку пулемета*). Не выдумывай — она абсолютно здорова.

Лидия Андреевна. Ты измучил меня, я устала, я жить не хочу. Ты приходишь за девочкой с единственной целью — поиздеваться надо мной. Вчера, когда узнала, что ты вернул машину из ремонта, я подумала почти с наслаждением: «Вот было бы хорошо, если бы он попал в автомобильную катастрофу». Какой ужас. Это ты довел меня до подобного образа мыслей, до злодейства. Я не виновата, ты сам во всем виноват.

Виктор Анатольевич (*стреляет*). Желать смерти отцу своего ребенка. Какая же ты стерва, Лида! Когда моя мать впервые тебя увидела, она сказала: «Мальчик мой, она злая девушка». Я спросил: «Мама, а почему?» Она говорит: «Потому что у нее тонкие губы» А я, дурак, не поверил.

Ангелина Ивановна. Я тоже была против этого брака. Я тебе говорила, Лида, что нельзя брать в мужья человека, который любит свою мать больше, чем жену. Он до сих пор сидит у нее под юбкой. Маленький сынок. Ой, кажется, мы горим.

Андрей Степанович. Мы их сбили.

Виктор Анатольевич. Ура!

Самолет, в котором сражаются мама и бабушка, горит, с оглушительным воем падает на землю и взрывается. Мама и бабушка успевают катапультироваться. Они спускаются на землю на парашютах.

Ангелина Ивановна. Я-то думала, что после развода ты найдешь порядочного мужчину.

Лидия Андреевна. Где теперь найдешь порядочного?

Ангелина Ивановна. Неужели перевелись?

Лидия Андреевна. Ах, мама, спуститесь на землю!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Татьяна. План третьей главы. Зима. Затворенная, грязная. Из дома не выхожу. Учусь курить и пить вино. Не пишется, строчки не идут. Сломалась печатная машинка. Симулирую глубокую депрессию, чтобы потом подробно описать ее. Черновики сожгла, я слишком здоровый человек для экзистенциальной литературы. Аркадий ходит кругами, круги все уже. Я жертва, он охотник. Как вдруг наступило лето. Поездка в поезде, Москва — Севастополь. Случайный попутчик ухаживает за проводницей, потом за мной, потом за рыжей. Нас на вокзале встречают наши тетушки. Страшная жара. В море купаемся вечером и утром. Днем сидим в погребе. Прячемся от солнца.

**

Очень жаркое лето в Севастополе. В совершенно глухой, без окон, комнате, возможно, в подвале дома, прячутся Маргарита и Нина (Танины тетушки). Маргарита сидит на стуле, Нина полулежит на полу. Повсюду на стенах железные шкафы и очень, очень много толстых стальных труб и проводов. Входит Таня.

Нина. Такой жары не было тысячу лет.
Татьяна. Давайте сходим ополоснемся. А?
Нина. На пляже еще хуже. Ветра нет. Песок раскаленный. Да и вода уже не спасает.
Татьяна. А где ваши девочки?
Маргарита. Если бы я знала.
Татьяна. А дядя Толя где?
Маргарита. Какой еще дядя Толя?
Татьяна. Ваш муж.
Маргарита. Я точно перегрелась, какая духотища. Он поехал на пристань, сказал, что надо просушить паруса и оснастить рангоут. Он купил новые блоки для яхты.
Нина. А ты почему осталась дома?
Маргарита. Мне показалось, что он не хочет, чтобы я ехала с ним.
Нина. Неужели?
Маргарита. Он стал стесняться меня, ему не нравится, что я сильно поправилась.
Нина. Нахал... Так и сказал?
Маргарита. Не сказал, но я так думаю.
Нина. Я была на пристани и в клубе. Его там нет.
Маргарита. Не может быть.
Нина. И на пляже, на нашем месте, его тоже нет.
Маргарита. Наверное, в гараже заливает масло.
Татьяна. Я проходила мимо — замок висел на двери.
Маргарита. Он поехал на дикий пляж, за город, он устал от людей, он жаловался мне, ему хочется побыть одному.

Нина. Какая же ты, Маргариточка, наивная.

Маргарита. Мы не просто муж и жена, мы друзья, мы самые близкие люди на свете. У нас никогда не было секретов друг от друга. Если бы у него появился кто-нибудь, я бы узнала об этом первая.

Нина. И все-таки... на всякий случай... береженую бог бережет, давай всплывем и посмотрим.

Маргарита. Ну хорошо, пусть будет по-твоему. *(Вдруг командным голосом.)* Приготовиться к всплытию! Освободить балласт! Курс триста двадцать, малый ход! Поднять перископ.

Конечно, это был не погреб, а командирский мостик подводной лодки. Сверху на мостик опускается перископ. Маргарита смотрит в окуляры. Там вдали живописное побережье. На береговой отмели уже немолодой мужчина натирает кремом спину молоденькой девушке. Он заканчивает процедуру, целует девушку в ухо. Они смеются. Маргарита узнает своего мужа.

Татьяна. Малая цель прямо по курсу.

Нина. Вот он, голубь сизокрылый.

Маргарита. Кто бы мог подумать? Что же ты делаешь со мной, изверг рода человеческого!

Нина. Дай-ка я гляну *(смотрит в перископ)*. Ах ты мерзавец!

Маргарита *(плачет)*. Какое несчастье.

Нина. Поплачь, Марго, сразу станет легче. Танечка, налей воды.

Маргарита. Плакать? Ни за что. Никогда. Я не хочу плакать. Я не буду плакать. Не надо мне воды. *(Берет из Таниных рук стакан с водой и залпом выпивает.)*

Татьяна. Я никогда бы на Анатолия Сергеевича такое не подумала.

Маргарита. Первый раз в жизни. Мы прожили семнадцать лет.

Нина. Если первый раз за семнадцать лет, тогда не плакать — радоваться надо.

Маргарита (*смеется сквозь слезы*). А я разве не радуюсь?

Нина. Вот и умничка.

Маргарита. Он воспитанный, интеллигентный человек. Он обожает детей.

Татьяна. Увлекся, с кем не бывает.

Маргарита. Я не за себя переживаю, я за него переживаю, он сам страдает из-за собственной лжи. На прошлой неделе разбил бутылку молока, а извинялся так, будто старуху зарубил. А я-то думаю, что он так извиняется? Если б вы знали, как ему стыдно, как ему больно. Он мычит во сне, как теленок. Господи, спаси душу его грешную. (*На лице мужа выражение полного счастья. Он заплетает девушке косу.*)

Татьяна. Ничего, все образуется, все перемелется.

Маргарита. Ему стыдно, стыдно передо мной, перед детьми.

Нина. Я бы за такое убила!

Маргарита. Семью надо сохранить во что бы то ни стало, сделаю вид, будто ничего не знаю. Кстати... А как вам она?

Нина. На любителя.

Маргарита. Но у нее есть одно преимущество. Она лет на пятнадцать моложе меня.

Таня (*смотрит в перископ*). Ничего особенного.

Маргарита. А мне показалось, что симпатичная.

Татьяна. Вы в тысячу раз интереснее (*смотрит в перископ*).

Маргарита. Анатолий чувствует приближение старости. Наверное, ему нужна молоденькая девушка, чтобы избавиться от страха перед смертью и старостью.

Нина. Граммов пять мышьяка на стакан чаю, и он останется вечно молодым.

Маргарита. Как у тебя все просто, как у тебя все просто.
Он отец двоих детей.

Нина. Ты очень меркантильная, не волнуйся, вырастим твоих детей, с голодухи не помрут.

Маргарита. Ты права, девочки вырастут и без отца. Я слишком брезглива, я не смогу простить из гигиенических соображений. Она целует его, эта грязная девка, кажется, я ее знаю.

Нина. Да ничего страшного. Помоем с мылом в горячей воде, будет как новенький. (*Смотрит в перископ.*)
Ах, мерзавец, ах ты мерзавец, ты только посмотри, что они вытворяют.

Татьяна. Ну что вы плачете, ну что вы киснете? Как вам не стыдно плакать? Наставьте ему рога! Пусть ходит и трясет ими. Хотите, я буду дразнить его рогоносцем? Мы ему темную можем устроить.

Маргарита. Танечка, ты очень добрая девочка. Спасибо тебе.

Нина. Хочешь выпить?

Маргарита. Люминала. Таблеток восемь сразу.

Нина. Когда мой суженый мне первый раз изменил, я тоже хотела отравиться. Съела миску прокисшего щавелевого супа.

Маргарита. Бедняга, представляю, как тебя рвало.

Нина (*достает из тайника бутылочку*). Ничего подобного. Усвоилось. (*Разливает по рюмочкам.*) Ну, за что выпьем?

Маргарита. Я стану алкоголичкой. Я решила. Это выход.

Нина. А как же дети?

Маргарита. А бог с ними, с детьми, мне все равно.

Татьяна. Я пью за то, чтобы высохли слезы на глазах обманутых женщин. За то, чтобы у всех детей было счастливое детство. За то, чтобы все мужчины, ищущие наслаждения вне семьи, стали импотентами и раскаялись!

Маргарита. Не надо за это. Выпьем за что-нибудь другое, за хорошее, за тебя, Танечка. Ты у нас такая молоденькая, у тебя еще все впереди. Счастья тебе.
(*Пьют.*)

Маргарита. Они наблюдают за акваторией.

Татьяна. Надо убрать перископ.

Нина. Кажется, нас обнаружили. Девоньки... по местам
(*воет сирена!*)

Маргарита (*командным голосом*). Приготовиться к погружению! Закачать балласт. Убрать перископ. Руль глубины в крайнее положение. Полный ход! Погружаемся!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Татьяна. Глава четвертая. Лежа в постели, смотрела спортивный канал. Кто-то постучал в окно. Я наспех оделась, Аркадий обнял меня, но поцеловать не осмелился. Это надо описать подробнее, с психологическими нюансами. Ночь горячая и черная, как Майкл Джордан в конце третьей пятнадцатиминутки, после очередного личного рекорда. Кажется, в матче с Ютой он заработал в общей сумме сразу тридцать восемь очков. Основная мысль: если бы Господь захотел создать меня мужчиной, я бы согласилась при одном условии — только чернокожим баскетболистом. Я верю в реинкарнацию, и в следующей жизни хотела бы играть в профессиональной баскетбольной лиге. Вывод: пока моя кожа бела как снег, и я не мужчина, а женщина. И несколько не жалею об этом.

И еще... я уверена, что новый бог может родиться только от брака белой балерины и чернокожего баскетболиста. Это будет новый, фантастический человек, о котором не мечталось даже Ницше,

рядом с которым Заратустра всего лишь бледное подобие подлинного героя.

Так вот, ночь была черная и горячая, в небе полыхали огромные звезды, и морской бриз раскачивал ветви акации.

Татьяна. Как ты меня нашел?

Аркадий. Сел на поезд и приехал на море.

Татьяна. А мать? Неужели разрешила?

Аркадий. Я ее поставил перед фактом. Ты меня знаешь, если я захочу... трава не вырастет, но будет моему. У меня к тебе есть очень серьезный разговор.

Татьяна. Ну?

Аркадий. Давай поженимся.

Татьяна. Мы вернемся к этому вопросу через семь месяцев и двенадцать дней, когда мне исполнится восемнадцать лет, — послушай, как цикада трещит.

Аркадий. Я хочу заранее получить от тебя принципиальное согласие.

Татьяна. Зачем?

Аркадий. Мне будет легче, если я буду знать.

Татьяна. А ты никогда не будешь мне лгать?

Аркадий. Никогда.

Татьяна. Никогда не будешь изменять мне?

Аркадий. Никогда.

Татьяна. Хорошо, я согласна... только я боюсь, что все это плохо кончится.

Аркадий. Не бойся... я однолюб.

Татьяна. Не в этом дело. Ты все время копаешься в про- водах.

Аркадий. Подумаешь, мой отец двадцать пять лет проработал электриком. Он говорит: «Когда схватишь сто пятьдесят вольт, начинаешь ценить жизнь, а после двухсот двадцати — начинаешь верить в Бога».

Татьяна. А ты веришь в Бога?
Аркадий. Верю. Правда, меня потрянуло только один раз, и то напряжение было пустяковое. Вольт сто семьдесят при силе тока в двадцать микроампер.
Татьяна. Достаточно, чтобы задуматься о жизни.
Аркадий. Не шути со мной, я серьезно.
Татьяна. Все ваши клятвы не стоят и ломаного гроша.
Аркадий. Я тебя люблю с третьего класса. Уже семь лет. И я тебе ни разу не изменил.
Татьяна. Ты говоришь, как будто у нас с тобой уже что-то было.
Аркадий. Конечно, было, ты просто не знаешь.
Татьяна. Так не бывает.
Аркадий. Бывает. Я живу с тобой уже три года.
Татьяна. ?
Аркадий. Пока только мысленно.
Татьяна. Ты лучше спортом занимайся и поменьше фантазируй. Посмотри на себя, жених, у тебя все ребра с ключицами наружу и руки тонкие.
Аркадий. Это мы сейчас с тобой — не очень, а когда вырастем, вот увидишь, оба будем очень красивые. Особенно ты. Мать моя так и сказала: подрастет Татьяна, нальется, будет красивая девка.
Татьяна. Слова подбирай, не девка, а девушка.
Аркадий. Так это же не я, мать сказала.
Татьяна. А ты бы ее поправил.
Аркадий. Ее поправляй не поправляй...
Татьяна. Простота хуже воровства. Твоя семья очень проблематичная в этом смысле.
Аркадий. Зато у тебя просто заповедник... все ученые, художники и писатели.
Татьяна. Ничего плохого в этом не вижу.
Аркадий. Ну и ладно, давай не будем о классовых различиях. Что-нибудь написала за лето?
Татьяна. Эссе.
Аркадий. Что такое эссе?

Татьяна. Это некое размышление, записанное на бумаге. Я написала о первой волне феминизации мужчин. Это было еще на заре человеческой истории в период перехода от матриархата к патриархату.

Аркадий. А что такое феминизация?

Татьяна. Это когда мужчина старается быть похожим на женщину: одевается как женщина, носит женские украшения, ну и так далее.

Аркадий. Расскажи, мне это интересно.

Татьяна. При матриархате власть принадлежала женщине потому, что она продолжала род, она рожала детей. Мужчины, существа наглые и беспринципные, решили отобрать власть силой. Начались кровопролитные войны между мужчинами и женщинами, появились мужские и женские военные дома, военные организации. Мужчины оказались сильнее, они победили. Но вот в чем проблема — надо было идеологически доказать свое право быть во главе рода, а право принадлежало тем, кто рожал детей, а мужчины не могли рожать детей. Но мужчины нашли решение: они переоделись в женскую одежду и силой заставили женщин носить мужскую одежду. Более того, женщинам при родах запрещалось кричать — кричал муж роженицы, а сами роды проходили при закрытых дверях, без лишних свидетелей, зато окна были нараспашку. На следующий день мужчина при большом стечении народа прикладывал новорожденного к своей груди, а женщина в это время уже работала в поле. Более того, мужчина лежал в постели три недели, не вставал и принимал подарки от родственников. Он рассказывал, как ему было больно рожать... между прочим, обязательны были многочисленные подробности. Кстати, эти обычаи сохранились у современных австралийских аборигенов. А ты думаешь, почему шотлан-

дцы до сих пор носят юбки? Как только женщин силой изгнали из истеблишмента, политика стала безнравственным занятием. Маргарет Тэтчер — это не пример, это не женщина, это скорее мускулированная самка. Женщина во главе рода или государства — это что-то совсем другое. А сейчас я пишу новое эссе — о промискуитете.

Аркадий. А что такое промискуитет?

Татьяна. Если ты хочешь стать моим мужем, ты должен очень много читать. Иначе нам не о чем будет разговаривать.

Аркадий. Можно и помолчать иногда.

Татьяна. Не в этом дело. Умные мужчины более чувственны.

Аркадий. А ты откуда знаешь?

Татьяна. Чем интеллектуальней мужчина, тем больше развито его воображение, чем больше развито воображение, тем мужчина сексуальнее.

Аркадий. Ты сама догадалась?

Татьяна. Сама.

Аркадий. Мне кажется, тебе еще рановато думать о мужской чувственности.

Татьяна. Никогда не говори, о чем мне можно думать, о чем мне думать нельзя.

Аркадий. Извини.

Татьяна. Мы будем рожать детей?

Аркадий. Конечно, будем.

Татьяна. Сколько?

Аркадий. Я не знаю.

Татьяна. У нас будут четыре девочки. Ты согласен?

Аркадий. Я согласен. Но почему бы не родить одного мальчика?

Татьяна. Я проверяла тебя на лояльность. Если бы ты потребовал одних мальчишек, я бы никогда не вышла за тебя замуж.

Аркадий. Можно, я тебя поцелую?

Татьяна. Ну, наконец-то, сколько можно переливать из пустое в порожнее. Какой же ты болтливый! По-годи, я заколю волосы на затылке, они мешают.

*Аркадий целует ее неловко, по-мальчишески.
Заканчивается отрочество, начинается юность.*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Татьяна. Глава пятая. Ночь. Железнодорожная станция. Еще одна безнадежная, последняя перед надвигающейся трагедией попытка договориться! Накрапывает дождик, проезжающие поезда гремят колесами.

Танины папа и мама встречаются на станции ночью.

Виктор Анатольевич. Надо было ехать на электричке за 148 километров ночью от города, ночью на станцию, чтобы встретиться и поговорить!

Лидия Андреевна. Все мои поступки имеют некий символический смысл!

Виктор Анатольевич. Как-то странно называется это место! Перхушково? Что это значит, Перхушково? Почему именно здесь ты захотела меня увидеть?

Лидия Андреевна. Чтобы ты запомнил наше свидание на всю оставшуюся жизнь!

Виктор Анатольевич. Ты угрожаешь мне?

Лидия Андреевна. Нет-нет, милый, я о том, что Перхушково — это очень запоминающееся название.

Виктор Анатольевич. А зачем мне запоминать, как называется эта станция?

Лидия Андреевна. Дело в том, что все дипломатические пакты получают название по месту, где они подписывались, например Кучук-Кайнаджирское перемирие, оно было подписано в городе Кучук-Кайнаджире.

Виктор Анатольевич. Ну?

Лидия Андреевна. Я предлагаю подписать перемирие. Между тобой и мной. На пять лет. Прямо сейчас, здесь!

Виктор Анатольевич. И для этого ты попросила меня приехать сюда, в эту дыру, в дождь, в два часа ночи!

Лидия Андреевна. Да!

Виктор Анатольевич. О господи!

Лидия Андреевна. Наше перемирие будет называться Перхушковское перемирие — по названию этой станции. Вот ручка, вот бумага. Подписывай.

Виктор Анатольевич (*читает*). Мы могли бы встретиться в кафе, ресторане, у меня дома.

Лидия Андреевна. Да мы уже тысячу раз встречались, и никакого толку! Нет, только на нейтральной территории. И только в таком необычном месте.

Виктор Анатольевич. Кто тебе посоветовал?

Лидия Андреевна. Неважно! Подписывай это историческое событие!

Виктор Анатольевич. Я хочу знать, на каких условиях!

Лидия Андреевна. Пожалуйста, а как ты думаешь, для чего я писала?

Виктор Анатольевич. Где мои очки? Вот они... Перхушковское перемирие... Заключено 15 октября 1988 года на станции Перхушково в 148 километрах от Москвы, между таким-то и такой-то, ага... вот... обязательства сторон... ну-ну, я обязуюсь не вторгаться в личную жизнь своей бывшей жены, не звонить, не приходить, не разговаривать, не оскорблять публично, не контролировать. В свою очередь, она, моя бывшая жена, обязуется не припятствовать свиданиям отца с дочерью, не настраивать дочь против отца, не оскорблять отца в присутствии дочери, не рассказывать дочери о материальных затруднениях отца, не выдвигать материальных претензий. Понятно, значит, захо-

тела от меня избавиться, да? Значит, тебе мои деньги уже стали не нужны?

Лидия Андреевна. Да откуда у тебя деньги? Разве это деньги?

Виктор Анатольевич. Полгода назад это были деньги, а теперь это не деньги! Интересно!

Лидия Андреевна. При чем тут деньги, дело не в деньгах. Я хочу жить по-человечески, мне надоело с тобой бодаться!

Виктор Анатольевич. Ей надоело со мной бодаться, и она назначила мне свидание в 148 километрах от Москвы на станции Перхушково. Не верю!

Лидия Андреевна. Я выхожу замуж!

Виктор Анатольевич. А это другое дело! Кто он?

Лидия Андреевна. Это неважно.

Виктор Анатольевич. Я обязан знать!

Лидия Андреевна. Зачем тебе знать?

Виктор Анатольевич. Я должен дать тебе благословение!

Лидия Андреевна. Не надо так шутить, безбожник.

Виктор Анатольевич. Я обязан знать, в какие руки я отдаю свою дочь!

Лидия Андреевна. Он хороший человек.

Виктор Анатольевич. Не знаю, не знаю. Когда ты за меня выходила замуж, своим родителям ты говорила то же самое, что я хороший человек. Кто он?

Лидия Андреевна. Тебя это не касается.

Виктор Анатольевич. Я домой! Прощай!

Лидия Андреевна. Хорошо, будь по-твоему. Он не русский человек.

Виктор Анатольевич. Все понятно, вот почему тебе не нужны мои деньги!

Лидия Андреевна. Он итальянец, его зовут Робертино.

Виктор Анатольевич. Итальянец?

Лидия Андреевна. Да!

Виктор Анатольевич. Я не подпишу.

Лидия Андреевна. Почему?

Виктор Анатольевич. Ездить в Италию, чтобы увидеть свою единокровную дочь!

Лидия Андреевна. Мы будем жить в России! Он работает в торговом представительстве!

Виктор Анатольевич. Нет, ваше сиятельство, мы не подпишем акт о перемирии, наши войска покинут бивуаки сегодня к вечеру, завтра же мы намерены дать вам генеральное сражение, мы заставим вас жрать лошадей!

Лидия Андреевна. Я тебя умоляю, давай прекратим это безумие, я устала, я больше не могу.

Издали приближается поезд.

Виктор Анатольевич. Твой итальянец навсегда запомнит, как называется эта станция, он будет всем рассказывать в своей солнечной Венеции, что его жена попала под поезд на станции Перхушково, ее затянуло под колеса встречным потоком воздуха! И свидетелей не нашлось, ни души! (*Хватает ее, тащит к краю платформы.*)

Лидия Андреевна. Отпусти меня!

Виктор Анатольевич. Нет, я тебя убью!

Лидия Андреевна. Отпусти меня, садист. (*Она бьет его ногой в пах.*) Пусть твоя Тамара знает, на станции Перхушково ты стал импотентом.

Виктор Анатольевич. И после этого я садист?

Лидия Андреевна. У меня были миллионы поклонников, я тебе изменяла каждый день, особенно на гастролях, я тебе об этом никогда не говорила, так знай же!

Виктор Анатольевич. Я тебя убью рано или поздно, я тебя убью!

Лидия Андреевна. Как ты мне осточертел!!!

Виктор Анатольевич. Сука!

Лидия Андреевна. Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? Что это?

Виктор Анатольевич. Пистолет!

Лидия Андреевна. Откуда у тебя оружие?

Виктор Анатольевич. Не скажу.

Лидия Андреевна. Трус!

Виктор Анатольевич. А что остается делать, если тебе назначают свидание на станции Перхушково в 148 километрах от Москвы в два часа ночи! Тут самые разные мысли приходят в голову!

Лидия Андреевна. Ну, стреляй, стреляй в меня!

Виктор Анатольевич. Молись своему Богу.

Лидия Андреевна. Господи, я хочу умереть, я ненавижу этого человека, я хочу умереть!

Виктор Анатольевич. Это слишком легкая смерть, я бы тебя стер в порошок!

Лидия Андреевна. Надо было брать не пистолет, а терку для моркови. Ха-ха... в два часа ночи он едет на станцию Перхушково с теркой для моркови! С теркой для моркови!

Виктор Анатольевич. Лошадей жрать, жрать лошадей, я вас заставлю жрать лошадей!

А К Т В Т О Р О Й

Д Е Й С Т В И Е Ш Е С Т О Е

Татьяна. Глава шестая. Наша дача была под Волоколамском. Красивые места. Поля, леса, овраги. Бабушка писала их маслом. Вечерами у нас собиралась женская богемная компания. Основная идея главы: все русские женщины помешаны на искусстве, потому что жизнь в России слишком суровая. Задыхаясь, женщины бегут от реальности. Этот трагический марафон длиною в жизнь и называется творчеством. Я закрываю глаза и вижу: бескрайнее поле, пыльная сельская дорога и несколько тысяч жен-

щин в кринолиновых платьях убегают за горизонт. Калитка скрипит, а смазать некому — это реализм. Мама тем временем еще разок вышла замуж — это натурализм.

*
**

За городом на даче. На первом этаже огромная мастерская. Урбанистические скульптуры задрапированы тканью. Полдень. В мастерской собралась женская богемная компания. Бабушка пишет маслом. Таня пишет повесть, мама пришивает алые ленточки к пуантам. Нина пьет чай.

Лидия Андреевна. Павел сведет меня с ума своей ревностью. Он тщательно, под микроскопом, каждый вечер исследует мое тело, требуя объяснений по поводу каждой царапины. Однажды на вокзале на меня налетел носильщик с тележкой, отчего на бедре, на внутренней стороне, образовалась маленькая гематома. Неделю Павел добивался от меня признания в преступлении, которого я никогда не совершала. До сих пор он не может забыть об этом темно-лиловом пятнышке. Оно преследует его в ночных кошмарах. Он кричит во сне и просыпается весь в холодном поту.

Нина. А симпатичный был носильщик?

Лидия Андреевна. Нина, как тебе не стыдно.

Ангелина Ивановна. Да. Он тебя любит, так уж любит. Это уж воистину — всем любовям любовь.

Вдруг раздается мощный взрыв. С потолка сытется песок. Нет, это, по всей видимости, не мастерская художницы. Это долговременная огневая точка (ДОТ).

Татьяна. Что это?

Лидия Андреевна. Не бойся, доченька. Это твой отчим рвет и мечет. Как же — пришел домой, а женушки дома нет.

Ангелина Ивановна. Позвони ему.

Лидия Андреевна. Еще чего. Пусть поволнуется. Ему полезно. Мне его матушка рассказывала. Когда Паше было пять лет, она купила щенка. Мальчик перестал есть, потерял сон. Он играл с песиком с утра до вечера. Он до того затискал собаку, что та подохла. Какой любвеобильный мальчик. Иногда мне кажется, что я умру той же смертью. От удущья. От любви.

Татьяна. Представляю себе, ма, как он ревнует тебя, когда ты танцуешь.

Лидия Андреевна. О да. Другой на его месте гордился бы. Но этот убежден, что всякий раз, когда я выхожу на сцену, то всенепременно отдаюсь партнеру, соблазняю амфитеатр, договариваюсь о свидании с бельэтажем.

Еще один взрыв сотрясает стены бункера.

Нина. Вот что вытворяет, сукин сын.

Ангелина Ивановна. Я была в молодости модной художницей, у меня поклонников было — завались. Как селедки в Астрахани. Но все они прекрасно ладили друг с другом.

Нина. Общие интересы сближают людей.

Ангелина Ивановна. Среди них был один ревнивец. Он то первый и умер от инфаркта, был еще совсем молодой человек. Ревновать вредно для здоровья, особенно для сердечной мышцы. *(Звонит телефон, бабушка снимает трубку.)* Алло. Здравствуй, Павел. Да, она у меня. Какие есть доказательства? Ее прекрасный голосок.

Лидия Андреевна *(берет трубку)*. Добрый день. Мужчин здесь нет. Ничем не занимаемся. Сидим молча, закрыв глаза. Каждый думает о своем. Разумеется, я думаю о тебе. Да, я буду вечером. Сейчас не могу. Ты купил мне духи? Ну, прекрасно, это очень хо-

рошие духи, браво, молодец. Браво. Браво. Еду.
(*Кладет трубку и обращается к женщинам.*) Мне пора.

Ангелина Ивановна. Вот так всегда. Сорвется с места — и галопом. Посиди еще минуточку.

Лидия Андреевна. Ни минуточки. До свидания (*уходит*).

Ангелина Ивановна. Ревность мужа — предмет ее особой гордости.

Нина. По-моему, это у них игра. Нечто подобное я видела в Лондоне, в магазине детской игрушки. Игра называется «Отелло». К игре прилагается набор фишек двух цветов. Белые фишечки — это девочки. Черные фишечки — это мальчики. Правила игры такие: если белая фишка попадет на черное поле, это значит, что ее задушили.

Татьяна. Кого задушили?

Нина. Фишку. То есть Дездемону.

Ангелина Ивановна. Скажи лучше, что ты ей завидуешь.

Нина. Она специально возбуждает в нем ревность. Наша Лида — экзотическое животное, она питается ревностью. А наевшись досыта, рассказывает о том, как было вкусно.

Татьяна. Слышите? Затихло.

Ангелина Ивановна. Ну, прекрасно — успокоился.

Таня (*обращаясь к Нине*). Пожалуйста, сыграйте нам Шопена.

Нина. С удовольствием. (*Снимает с рояля чехол, играет.*) Супружеская жизнь мне кажется уродливой. Все супруги несчастны.

Ангелина Ивановна. Какое же оно счастье без несчастья? Это и не счастье вовсе. Вот Маргарита прожила с мужем семнадцать лет. Они так любили друг друга. Прекрасно. Потом он ушел от нее. Разумеется, горе. Потом вернулся. Опять она счастлива.

Это и есть жизнь, это и есть любовь, когда из горячего в холодное. А теперь они опять счастливы. Счастье тоже познается в сравнении. Смотрю на них — не нарадуюсь. Воркуют, как голуби.

Содрогается земля. Скрежет гусениц.

Ангелина Ивановна. Что такое стряслось?

Таня (*подходит к окну и смотрит в бинокль*). Смотрите, какой ужас. Анатолий Сергеевич преследует Маргариту на танке. Он ее сейчас раздавит.

Ангелина Ивановна. Ах ты дьявольское отродье.

Нина. Вот он, ваш голубь, вот он, ваш идеальный мужчина. Смотри, что вытворяет... скотина.

Бабушка (*тренированным командным голосом*). Орудие к бою!

Таня срывает чехол с одной из скульптур. Под чехлом пушка. Подкатывают пушку к бойнице (к окну).

Ангелина Ивановна. Прямой наводкой. Бронебойным. Огонь!

Татьяна. Промазали.

Ангелина Ивановна. Целься через ствол. Вот так. Умница, внученька. Заряжай. Огонь!

Нина. Горит, гад!

Ангелина Ивановна. Упала, бедняжка. Лежит, она живая.

Таня и Нина приносят на брезентовых носилках раненую Маргариту.

Татьяна. Смотрите — у нее кровь.

Ангелина Ивановна. Где?

Татьяна. Вот здесь — за ухом.

Ангелина Ивановна. Я знаю Анатолия Сергеевича. Он ведь тишайший человек, что ты с ним сделала, рассказывай.

Маргарита. Он хотел мальчика. А мне вполне двух девочек хватает. Рано или поздно все равно пришлось

бы признаться. Пятый месяц пошел. Живота все нет и нет. Он спрашивает меня: «Где живот?» А я и не знаю, что сказать. Нет живота. Время идет, а его все нет и нет. Потому что быть не может. Потому что я сделала аборт. А сказать правду боюсь. А что скажешь в свое оправдание на десятом месяце? Делать нечего. Вот и созналась. Он хотел меня убить, он сказал, что таких, как я, надо давить и резать на куски. Он озверел.

Нина. Вот тебе интеллигент. Агнец божий. Шестикрылый серафим.

Татьяна. Аборт — это больно?

Маргарита. Что больно — это можно потерпеть, а вот в душе сущий ад.

Нина. Не пугай девочку. Я шесть раз делала аборт, и, как видишь, — ничего.

Ангелина Ивановна. Хоть бы одного родила.

Нина. У меня узкие бедра.

Маргарита. Любишь ты себе делать комплименты.

Нина. Они узкие не снаружи, изнутри. А главное, я очень люблю тишину. Больше тишины я люблю только музыку. Музыка — это аранжированная тишина. Дети очень противно визжат, когда маленькие.

Татьяна. Если бы все так рассуждали, нас бы никого не было на белом свете.

Нина. Ты такая хорошенькая, Танечка, ты бы обязательно была.

Ангелина Ивановна. Нина у нас эгоистка, я ее избаловала.

Нина. Была бы глухой — нарожала бы целый полк.

Ангелина Ивановна. Глупая, еще пожалеешь.

Маргарита. Счастье зарабатывается колоссальным, титаническим трудом. Нужно вкалывать с утра до ночи и прощать, прощать, прощать.

Татьяна. Мне такого счастья не надо. Что это за счастье такое — вкалывать и терпеть.

Нина. Пойду прогуляюсь.

Татьяна. Я с тобой.

Маргарита (Татьяне). Если она предложит тебе отнять правую грудь — не соглашайся.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Татьяна. Глава седьмая. Я и Нина ночью в поле. Луны нет, темно! Мы заблудились. Идем на светящиеся окна дома.

**

Нина. Как быстро стемнело.

Татьяна. Я отчима терпеть не могу. Возьми меня жить к себе.

Нина. Я бы с удовольствием. Ты мне очень нравишься. Но у меня муж пьющий.

Татьяна. А ты разведись с мужем и возьми меня.

Нина. Я не могу с ним развестись.

Татьяна. Почему?

Нина. Потому что он сдохнет, если я его брошу.

Татьяна. Но ведь ты его не любишь.

Нина. Ненавижу.

Татьяна. А ты всех мужчин ненавидишь?

Нина. Не всех. Когда мне было столько же лет, сколько тебе, я любила одного парня, он учился со мной в консерватории в одной группе. Он был прекрасный пианист.

Татьяна. У вас был роман?

Нина. Мы прожили с ним два года. Он сделал мне предложение. Я была на седьмом небе. Мы купили кольца и свадебное платье. Заказали огромный автомобиль. И вот утром в день свадьбы он вышел из дома, чтобы купить запонки в галантерейном магазине. У него были запонки. Но они мне не пон-

равились. Он вышел из дома, и на улице встретил девушку, влюбился в нее с первого взгляда. Наша свадьба расстроилась, а через полгода он женился на ней. Сдались мне эти проклятые запонки. Кстати, это его дом. Наш роман начинался здесь. Дачный роман. Слышишь? (*Звучит фортепианная музыка.*) Играет. Сейчас сменит тональность (*тональность меняется.*)

Татьяна. Я его ненавижу.

Нина. А я его обожаю. Давай потанцуем.

Они танцуют под фортепианную музыку Рахманинова. Они кружатся в луче света, падающего из окна, как бабочки. Медленно, плавно. Некоторое время молча.

Татьяна. Она красивая?

Нина. Красивая.

Татьяна. Они живут счастливо?

Нина. Душа в душу.

Татьяна. Жалко.

Нина. Пойдем встанем под окнами и послушаем, о чем они говорят. Мне кажется, что днями напролет они говорят только обо мне. Я сумасшедшая? (*Заглядывает в окно.*)

Татьяна. Ты лучше их всех.

Нина. Где моя сумка?

Таня (*приносит*). Почему она такая тяжелая?

Нина. Завтра понедельник. Он поедет по этой дороге в город. (*Достает из сумки железную болванку.*)

Татьяна. Что это?

Нина. Противотанковая мина. Мы ее зароем вот здесь на дороге. Я вознесу его на седьмое небо. (*Закапывает мину.*) Все гении живут на небесах, ему не место на этой грешной земле.

Таня. Какая земля твердая, каменистая.

Нина. Помоги, дружок. А теперь замаскируем.

Татьяна. Не видно.

Музыка смолкает, мужчина подходит к окну.

Нина. Замри. Тише ты. Ползи, голову вниз.

Они ползут по-пластунски и скоро исчезают в непроглядной тьме. Голос Маргариты.

Маргарита. Таня, Таня, где ты?

Татьяна. Я здесь.

Маргарита. Танечка, у нас несчастье — бабушка умерла.

Татьяна. Не может быть.

Маргарита. Щи сварила, прилегла на кушетку и умерла.

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Татьяна. Ангелиночка лежала в гробу торжественная и умиротворенная. У нее была богатая боевая биография — последний раз она влюбилась в шестьдесят восемь лет. Все напоминало похороны видного военачальника. Как художника ее не признали, зато пироги очень хвалили! Ее живопись не все понимали, уставятся и молчат, а пироги — за обе щеки, только подавай. Когда гроб опускали, солдаты салютовали из ружей. Я видела смерть впервые и очень близко. Когда первая горсть земли упала на крышку гроба, у меня похолодело в груди. Через год мы собрались, чтобы помянуть нашу Ангелиночку.

После поминок. Длинный стол, за столом выпивают мужчины. Женищины наводят порядок.

Андрей Степанович. Вот и жизнь, кажется, прошла.

А когда-то мы с Ангелиночкой были молоды, и нам казалось, жизнь бесконечна. Выпьем.

Виктор Анатольевич. Царствие ей небесное. Выпей, Лида.

Лидия Андреевна. Я уже напилась. Спасибо. Голова как чугунная.

Константин Сергеевич. Она была одной из моих лучших учениц.

Андрей Степанович. Неужели? И чему вы ее учили?

Константин Сергеевич. Французскому языку.

Андрей Степанович. А в каком году она брала у вас уроки? Уж не в пятьдесят третьем случайно?

Константин Сергеевич. Так точно.

Андрей Степанович. Я ведь вас и раньше видел, только не знал, что вы это вы.

Константин Сергеевич. А если бы знали?

Андрей Степанович. Убил бы на месте!

Константин Сергеевич. Вы что же — до сих пор ревнуете?

Андрей Степанович. Ревную.

Константин Сергеевич. Все, ее уже нет, некого ревновать.

Андрей Степанович. Я брал Ангелину штурмом. Не хотела за меня замуж. Была как неприступная крепость. И как же я должен был себя чувствовать, когда мою женщину отбивает неприятель.

Лидия Андреевна. Отец, тебе больше пить нельзя.

Андрей Степанович. Вот эта моя дочь. Она родилась, а через пять лет мы с Ангелиной развелись.

Константин Сергеевич. А я не люблю идти напролом, я предпочитаю действовать тихо, тактически.

Андрей Степанович. Да нет же. Это было чистой воды предательство. У меня не было ни гроша в кармане, а ты ее купил.

Константин Сергеевич. Я подарил ей колечко с изумрудом. И она меня отблагодарила по-царски.

Андрей Степанович. А в это время я отбивал натиск ее родственников. Они решили, что я нищий студент и не могу содержать семью. Заявились ко мне все до одного тепленькие, построились клином

и пошли на меня в психическую атаку. Да ладно, жив остался, и то хорошо.

Лидия Андреевна. Папа, тебе пора спать. Ты заговариваешься.

Андрей Степанович. Мы уходим, а дети и внуки остаются, и это хорошо.

34 Виктор Анатольевич. Ну-ка, Танечка, подойди ко мне. Правда, мы похожи?

Лидия Андреевна. Неправда.

Виктор Анатольевич. Глаза мои и носик мой.

Лидия Андреевна. Ничего твоего в ней и в помине нет. Глаза мои, и брови мои, а нос вон дедов.

Андрей Степанович. Точно, мой нос.

Виктор Анатольевич. Ты еще скажи, что это не моя дочь.

Лидия Андреевна. Так оно и есть.

Виктор Анатольевич. Это ты мне назло говоришь. Так я тебе и поверил. Глаза мои, и еще колени у нее такие же, как у меня — коленки аккуратные, а у вас, у Федосеевых, колени большие, крупные, и ноги с легкой кривизной. А у нее, посмотри, какие аккуратненькие ножки. Ноги наши. И черты лица тоже. Тонкие. Аристократические.

Андрей Степанович. Это ты, брат, наговариваешь. Как же, с кривизной, смотри (*закатывает штаны и рассматривает ноги, встает*). Отличные у меня ноги.

Лидия Андреевна (*поднимает подол платья*). Это у меня-то с кривизной? У меня идеальные ноги. Я танцую на сцене двадцать лет, ну, может быть, самую-самую малость... вниз от колена идет легкий прогиб. Но это не считается дефектом.

Андрей Степанович. Ну ладно, ноги, быть может, и не мои, но глаза точно мои. Ладно, дочка, отдай ему ноги. Пусть забирает.

Лидия Андреевна. Подавись. Ноги твои, а все остальное наше.

Виктор Анатольевич. Что значит — все остальное ваше?
А плечи, осанка, а подбородок? Это мое.

Лидия Андреевна. Я тебе больше не отдам ничего, и не проси.

Виктор Анатольевич. Я ничего просить не собираюсь.
И характер тоже в меня. Покладистая, не злопамятная и умная. Подбородок мой. И походка.

Андрей Степанович. Я предлагаю провести границы.
Мы поделим Танечку, как Польшу!

Лидия Андреевна. Что?

Андрей Степанович. Нацистская Германия и Советы разделили Польшу в тридцать девятом. Я как раз в то время жил в Харькове. Глаза мои, а все остальное забирайте себе. Мы проведем границы. А потом заключим мирный договор. Походку возьми себе. Подавись. А глаза мои.

Виктор Анатольевич. Держи карман шире. Так я тебе и отдал глаза.

Андрей Степанович. А ведь мы с тобой когда-то ладили и все решали по-хорошему, сынок.

Константин Сергеевич. Не хотелось расстраивать вас на старости лет, Андрей Степанович, но глаза у вашей внучки дедовы, то есть мои. И у Лиды, у дочки вашей, глаза тоже мои. И глаза, и еще есть доказательство. Вот здесь жировичок на ухе (*показывает на своем ухе жировичок, и жировичок на ухе у Лидии Андреевны*). Так что помолчи. Твоего здесь никогда ничего не было. И отродясь не бывало. И ямочка на подбородке. Это у нас фамильное.

Лидия Андреевна. Так, значит, Константин Сергеевич, вы мой отец?

Константин Сергеевич. Так точно. И вы, молодой человек (*обращаясь к Таниному отцу*), поубавьте свои амбиции.

Андрей Степанович. Я знал, я догадывался, я не верил, а она клялась, божилась. А я чувствовал, что это

не моя дочь. Только из родильного дома принесли, почувствовал что-то неладное. Предательница. А я ее похоронил, как героя. Со всеми почестями — с музыкой и шапкой на гробу!

Маргарита. Не расстраивайся, папа, у тебя еще есть две дочери и два внука. Не жадничай.

Нина. Действительно, какие пустяки, подумаешь.

Андрей Степанович. Мне чужого не надо, а своего не отдам.

Татьяна. Я здесь кое-что написала и теперь хочу это вам прочесть, пользуясь случаем, пока вы все вместе.

Виктор Анатольевич. Девочка хочет стать писательницей. Я тоже в юности баловался пером. А потом заболел режессурой.

Константин Сергеевич. Когда я служил на крейсере «Отважный» срочную службу, я писал заметки в стенную газету.

Лидия Андреевна. Я до семнадцати лет писала стихи, а потом бросила.

Маргарита. Это рассказ, да?

Нина. Повесть?

Татьяна. Это не рассказ и не повесть. Это присяга.

Андрей Степанович. Присяга — это серьезно. В две шеренги становись!

Взрослые строятся в две шеренги.

Лидия Андреевна. Присягу я приветствую. У девочки должны быть принципы.

Андрей Степанович. Разговорчики в строю.

Виктор Анатольевич. Это мое место — ты стоишь во второй шеренге.

Лидия Андреевна. Нет, это ты стоишь во второй шеренге. Я стою в первой шеренге, я выше.

Виктор Анатольевич. Это нечестно — ты на каблуках.

Лидия Андреевна. Где ты видел каблуки? Это называется каблуки? Да ты не видел настоящих каблуков,

в следующий раз я надену десятисантиметровые шпильки. Я тогда посмотрю на тебя. Будешь замыкающим в хвосте стоять.

Андрей Степанович. Равняйся! Смирно!

Лидия Андреевна. Только, пожалуйста, Танечка, побыстрее, я ушла в семь утра и обещала вернуться в шесть вечера как штык, он уже звонил и кричал на меня.

Андрей Степанович. Отставить! Равняйся, смирно!

Таня (*читает с листа*). Я, Федосеева Татьяна, перед лицом моих родных и близких, чьи жизни навсегда загублены из-за их собственной глупости, на пороге своего совершеннолетия принимаю присягу и торжественно клянусь:

— что никогда в своей жизни не выйду замуж и не позволю никому превратить мою жизнь в череду однообразных серых будней, в сущий ад;

— клянусь, что никогда не рожу ребенка, иначе я тут же, незаметно для себя, потеряю свою личную свободу и буду обречена всю жизнь на домашнее рабство, клянусь прожить яркую и счастливую жизнь, многое в этой жизни успеть, ведь жизнь дается только один раз;

— клянусь, что я никогда не стану домашним животным, терпеливо сносящим все тяготы и лишения супружеской жизни, я не хочу быть объектом ревности, прощать супружескую неверность, удовлетворять чью-то непомерную козлиную похоть и страдать из-за чужой душевной черствости и ограниченности, клянусь, что я никогда не пущу в свою жизнь мужчину;

— клянусь жить свободно и счастливо и сражаться за свободу и независимость до последнего жалобного вздоха.

Кто-то звонит в дверь очень протяжно и настойчиво.

Маргарита. Пойду открою.

Андрей Степанович. Погоди минутку.

Лидия Андреевна. Вообще-то я мечтала понынчить внуков.

Виктор Анатольевич. Ничего, ничего, со временем взгляды переменятся. Естество свое возьмет. Когда мне было восемнадцать, я тоже не хотел жениться.

Лидия Андреевна (*шепотом*). И не надо было тебе жениться.

Нина. Я верю в нее, она сильный человек, она сдержит слово!

Звонят в дверь очень настойчиво.

Татьяна. А если я нарушу эту клятву, если я когда-нибудь выйду замуж, пусть меня жестоко покарают родственники моего мужа или он сам, изменяя мне направо и налево, с кем попало и где придется. Пусть наша совместная жизнь превратится в страшный кровавый поединок, в безрадостную борьбу за существование с ребенком на руках, в череду скучных и бесцветных будней. Если я нарушу эту клятву, пусть меня осудят небеса по суровому закону кармы!

Торжественно клянусь! (*Родители и родственники хором: «Торжественно клянусь».*)

Звонят в дверь особенно настойчиво.

Андрей Степанович. Вольно, разойдись (*взрослые расходятся*).

Лидия Андреевна. Любовь и ненависть всегда идут рука об руку, у девочки воспалилось воображение, я отправлю ее в Италию, пусть посмотрит мир. Италия вся окутана атмосферой любви. Фрески Джотто меня возбуждают.

Нина. Все. Больше не могу терпеть. Пойду открою.

Нина открывает дверь. Входит Аркадий.

Аркадий. Здравствуйте.

Татьяна. Только тебя здесь не хватало.

Аркадий. Ты что, сегодня не с той ноги встала?

Татьяна. Зачем ты пришел?

Аркадий. Госпожа де Сталь, я купил двух голубей, голландцы, они белые как снег. Пойдем посмотрим.

Татьяна. Я никуда с тобой не пойду.

Аркадий. У меня к тебе серьезный разговор.

Татьяна. Подожди меня на лестнице. Я переоденусь.

Аркадий уходит. Таня переодевается, входит мама.

Лидия Андреевна. Боже мой. На кого ты похожа? Приведи себя в порядок. Что за юбку ты нацепила — одеваешься, как гимназистка. Возьми мои старые туфли, я их всего три раза надевала, они как новые, и глаза подведи.

Татьяна. Не надо, я на одну минутку, я скоро приду.

Лидия Андреевна. Если ты не будешь следить за своим лицом, внешностью, платьем, тебя мальчишки любить не будут.

Татьяна. Я не хочу, чтобы они меня любили.

Лидия Андреевна. А что же ты хочешь?

Татьяна. Чтобы вы все меня оставили в покое. Что ты здесь делаешь, мама? Поезжай к своему новому мужу. Он что, тебя больше не ревнует? Или у тебя начался новый роман? Идите вы все знаете куда со своей любовью. У тебя в голове одна любовь. Ни одной своей собственной мысли за всю жизнь.

Лидия Андреевна. О девочка, но мы все живем для счастья, мы созданы для любви. Любовь — это прекрасно. Любовь — это...

Татьяна. Мама, ты дура.

Лидия Андреевна. Что?

Татьяна. Извини, я пойду.

Лидия Андреевна. Что ты такое говоришь, Танечка, девочка моя?

Татьяна. Я ненавижу любовь. И это потасканное сладенькое словечко тоже ненавижу. Разве ты не понимаешь, как это безвкусно и банально. Все с ума посходили. Любовь, любовь, любовь, любовь. Честное слово, как вам всем не противно, как вам не скучно?

Лидия Андреевна. Танюша, постой, нам надо поговорить, ты куда?

Таня. На Западный фронт!

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ

Татьяна. Я согласилась. Заинтриговали белые голуби, подумала, вдруг пригодится для повести или рассказа? Поднялись на крышу, споткнулась на ступеньке. Нехорошее, тревожное небо, злое, надменное. Вежливость Аркадия. Неприятная, угрожающая вежливость. Аркадий принес голубей. Обрадовалась. Родился образ. Девушка держит в руках белого голубя, голубь улетает, девушка превращается в женщину.

**

Аркадий. Наверное, скоро будет дождь.

Татьяна. Ты о чем-то хотел со мной поговорить? Говори быстрее, я сейчас уйду.

Аркадий. Я хотел тебе сказать... я хочу сказать тебе, что я тебя люблю.

Татьяна. Еще один прокаженный.

Аркадий. Кто-кто?

Татьяна. Куда мне от вас спрятаться, уеду куда глаза глядят.

Аркадий. Ты меня не любишь? Так получается?

Татьяна. Нет, герой, я не люблю тебя.

Аркадий. Но ты обещала выйти за меня замуж.

Татьяна. Беру свои слова назад. Я не хочу быть ничьей женой.

Аркадий. А как мне быть, если я люблю тебя?

Татьяна. Ты что, хочешь меня до смерти перепугать? Почему у тебя руки дрожат?

Аркадий. Когда мы были детьми, ты была добрая.

Татьяна. Не прикасайся ко мне.

Аркадий. Я тебя никуда не отпущу.

ЭпИлог

Татьяна. И вдруг я услыхала истошный вой падающей авиационной бомбы.

Звук падающей авиационной бомбы — по нарастающей, «как в кино».

Аркадий свалил меня с ног и закрыл своим собственным телом. Через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв. Моя голова чуть было не разлетелась на куски. А когда я пришла в сознание, почувствовала тупую и сладкую боль внизу живота. Я открыла глаза. На мне не было юбки (ее откинуло взрывной волной метров на тридцать), а живот и бедра были все в крови. Аркадий был сверху, он целовал мое лицо и что-то шептал в ухо.

А после бомбы посыпались одна за другой, началась беспощадная бомбежка. Они сыпались как град, а потом пошел настоящий град, и я слышала, как ледяные горошины стучали ему по спине. А у меня на виске билась жилка. Вдруг в одно мгновение все стихло. Аркадий привстал, поцеловал меня и еще раз признался мне в любви, но я не слышала этих слов, я ничего не чувствовала, кроме слепой ненависти к нему. Вдруг там внизу, на дороге, закрипели тормоза, заскрежетало железо. Аркадий подошел к самому краю крыши и посмотрел вниз, на шоссе. И тогда случилось событие, которое целиком перевернуло мою жизнь. Я подошла к нему сзади и со всей силы толкнула в спину. Он сор-

вался и полетел вниз. Секунд через десять я услышала глухой удар о землю.

Они до сих пор не могут понять, как получилось, что девушка из такой интеллигентной семьи оказалась в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Я не писала четыре года, я не могла, у меня в душе была черная дыра.

За окном идет дождь, деревья раскачиваются на ветру, моя жизнь, моя история продолжается. Сегодня утром девочек построили и увели в швейный цех, я осталась дежурить в бараке, положила тетрадь на колени и пытаюсь хоть что-нибудь написать. Вчера я видела сон, будто мы с Аркашей стоим на берегу реки и бросаем в воду разноцветные букеты сирени. Цветы унесло течением, Аркаша разделся и вошел в реку, вода в реке оказалось живой, но холодной как лед. Он чудесным образом воскрес, но сильно замерз. Когда он вышел на берег, я сняла с себя красивое вечернее платье и стала растирать его с головы до ног. Он согрелся, мы взялись за руки и пошли через поле, бескрайнее и бесконечное. А что было дальше, я не помню.

Занавес.